

Санат Кушкумбаев: «Страны центральноазиатского региона пока не выработали культуру политического компромисса»

Санат Кушкумбаев: «Страны центральноазиатского региона пока не выработали культуру политического компромисса»

30.06.2014

«Пока у элит стран региона нет понимания того, что необходимо сотрудничать постоянно, а не ситуативно», – сказал в интервью IRP Санат Кушкумбаев, главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (КИСИ), Алматы.

IRP: Какие факторы влияют на безопасность в Центральной Азии?

Санат Кушкумбаев: Прежде всего, я бы сказал, что основной угрозой безопасности региона являются внутренние проблемы стран Центральной Азии. Речь идет, в первую очередь, о внутривнутриполитических рисках, которые связаны с нестабильными политическими системами, отсутствием контроля общества над государством. Отсюда и системные проблемы – коррупция, экономические, социальные проблемы, масштабная или скрытая безработица и так далее. Нестабильность системы порождает политические проблемы, отсюда и все эти вызовы.

Некоторые эксперты говорят о том, что основной угрозой безопасности региона являются внешние риски и вызовы, но я считаю, что они стоят на втором плане, потому что внутренние риски и вызовы в ближайшей перспективе будут сильнее влиять на ситуацию.

Учитывая специфику, я бы не стал говорить, что есть страны региона, которым успешно удалось решить внутренние проблемы. Все относительно. Например, внешняя стабильность, в Узбекистане или Казахстане не является однозначным показателем решения основных внутренних проблем. Сравнительно жесткая, авторитарная система управления в Туркменистане также не говорит о том, что в стратегической перспективе все проблемные вопросы сняты.

Самый главный тест, который должны будут пройти страны Центральной Азии – это тест на сменяемость власти. Это процесс должен пройти бесконфликтно, либо, так сказать, с минимальными потерями. Все конфликты, возникшие во время выборного процесса должны решаться в правовом русле, в рамках законодательства. В этом плане сейчас, если говорить о среднесрочной перспективе, наиболее ослабленными являются Кыргызстан и Таджикистан в силу того, что в этих странах либо довольно часто происходили перевороты, либо имелся гражданский конфликт, что не могло не оказать влияния на государственную систему. Но с точки зрения стратегической перспективы у Кыргызстана, который уже прошел определенные этапы политической турбулентности, постепенно вырабатывается так называемый «антидот» от наиболее худшего варианта развития событий. В Таджикистане в силу того, что была гражданская война, еще осталось поколение людей, которые полностью стараются дистанцироваться от подобного варианта развития событий. В любом случае следующее поколение, которое забудет о гражданской войне, может вновь обратиться к силовым вариантам, если не сможет решить существующие проблемы. Это повышает риск дестабилизации ситуации в этой стране, а время работает не на нынешние правящие режимы.

По сути, будущая неизбежная смена власти является определенным вызовом для стран региона. Неизвестно будет ли этот процесс проходить бесконфликтно, будет ли он обусловлен правовыми и другими рамками. Здесь важно учесть все правовые аспекты,

уровень политической культуры.

Во всех странах региона, как правило, политические элиты стремились к тому, чтобы люди были вне политики, отсюда и неумение договариваться, находить компромиссы. По сути, в странах Центральной Азии отсутствуют институты легитимного, легального представительства населения во власти, существуют либо декоративные, либо не полнофункциональные парламенты, кроме того, партии представляют одного или нескольких лидеров и эти институты не выполняют функций классических партий.

Часто эксперты выделяют религиозный фактор. Опять же он связан с внутривнутриполитическим контекстом. Мы видим это на примере наших соседей. Считается, что в Узбекистане и Таджикистане религия имеет более глубокие корни и религиозно-политические или псевдорелигиозные группы находятся на периферии общественно-политической жизни. Но в случае, когда люди не видят выхода из сложившейся ситуации, они примыкают к сторонникам радикальных течений, соответственно, их численность увеличивается. Нередко этому подвержены молодые люди, которые оказались на периферии социально-политической жизни. Если и дальше не решать возникающие системные проблемы, то люди будут искать выход в религиозно-политической или псевдорелигиозной сфере. Это напрямую связано с несбалансированной внутривнутриполитической ситуацией. Безусловно, религиозный фактор играет определенную роль, но все же он второстепенный, потому что основные угрозы связаны с системными проблемами.

Как известно, во многих странах и регионах мира усиливается влияние религиозного фактора на политику, происходит радикализация, это общеизвестный тренд. Но если своевременно создавать каналы для решения проблем, купировать значительную часть потенциальных проблемных вопросов, то радикальные группы останутся на периферии политического процесса. Как только мы перестаем решать возникающие проблемы, эти группы постепенно перемещаются к центру и начинают оказывать определенное

влияние на политические процессы. Тем не менее, в ближайшей перспективе не стоит переоценивать эту угрозу.

В целом, центральноазиатские общества пока являются светскими. Очевидно, что в наших странах религиозный компонент не играет такой роли как, например, у соседей южнее, я имею в виду Афганистан, Пакистан или Иран. В политической жизни этих стран религия играет огромную роль, в последнее время ее влияние на политические процессы усиливается. Я сейчас говорю о таких рисках, вызовах, которые могут появиться в будущем, но пока не имеют реального выхода на политический уровень. На данный момент маловероятен вариант, когда религиозные экстремисты захватят власть в странах региона. Но опять же если системные проблемы не будут решены, то в перспективе любые оппозиционные структуры, в том числе и с религиозным контекстом будут набирать популярность.

Существуют определенные противоречия между странами Центральной Азии, но в крупномасштабный конфликт они не выльются. Даже очень сложные в конфликтном плане отношения некоторых стран региона как, например, узбекско-таджикские, вряд ли выльются в какой-то серьезный конфликт. Спорадические конфликты, которые происходят, например, на кыргызско-таджикской границе, возможно, будут возникать и в дальнейшем, но никто не заинтересован в том, чтобы они разрастались, в том числе и региональные элиты, так как это угрожает безопасности всех режимов. Это очень чувствительная зона. Для большинства стран Центральной Азии безопасность страны и безопасность режима это синонимы, элиты понимают и осознают насколько рискованно не обращать внимания на возникающие конфликты, учитывая внутривнутриполитическую ситуацию, сравнительно несильные армии и другие факторы. Никому эти конфликты не нужны, но они плохо контролируемы, поэтому будут периодически возникать, учитывая, что существуют пограничные, водные, территориальные проблемы, проблемы миграции, проблемы с транзитом транспорта через анклав и так далее. Но и эти угрозы также не стоит

преувеличивать, так как конфликты будут локальными, пограничными.

Если говорить о влиянии внешних игроков на страны Центральной Азии, то, к примеру, Китай и Россия имеют различные интересы в регионе, при этом объединяющим фактором является то, что они не хотят дестабилизации ситуации в стратегической перспективе. К примеру, если мы говорим об афганском вопросе, то эти игроки не заинтересованы в том, чтобы влияние данного фактора на регион было слишком значительным. Россия и Китай заинтересованы в более стабильной Центральной Азии.

Если продолжить разговор об афганском факторе, то, во-первых, частичный вывод войск отразится на регионе, но я бы не стал преувеличивать возможные риски и говорил бы только об увеличении наркотрафика, возможно, о частичном увеличении количества беженцев. Но это не явно выраженный тренд.

Во-вторых, все-таки американцы остаются. НАТО оставляет стратегические базы, которые будут контролироваться их солдатами.

В-третьих, талибы не ставят своей целью выход за пределы Афганистана. Их цель – захват власти внутри страны и это не так просто сделать даже в нынешних условиях.

В связи с этим я бы не стал преувеличивать афганский фактор. Он существует, но стратегически это не самый главный вызов нашему региону, это также вызов второго плана.

Как и во многих странах мира в центральноазиатском регионе ощущается присутствие США и Запада. Но я бы не стал переоценивать роль США и в целом западного влияния – «мягкой силы» в виде НПО и прочих структур, которое нередко преподносится в качестве угрожающего фактора воздействия на

страны региона. Как я уже отмечал, внутренняя слабость стран – это благоприятная почва для любого внешнего деструктивного влияния.

В некоторых странах региона нет юридически закрытых зон и это важный аспект деятельности неправительственных и международных организаций. В Узбекистане, например, действуют определенные законы и большая часть западных представительств, фондов в этой стране закрыта, это суверенное право каждой страны. В других странах иные правила, ведь НПО не только занимаются политической деятельностью, они решают и другие проблемы. Необходимо понимать, что не всегда возможно отделить политическую деятельность от социальной и гуманитарной.

В связи с этим я говорю о том, что Запад присутствует в регионе, но я не считаю, что Западу стратегически выгодно дестабилизация региона. Безусловно, существует группа алармистов, которая в любой активности Запада видит только негатив. Я думаю, что страны Запада, в первую очередь, интересуют вопросы, связанные с энергетикой и ресурсным потенциалом и, соответственно, безопасностью нашего региона. Для того чтобы иметь довольно предсказуемую поставку энергоресурсов странам Запада нужна стабильность и более-менее самостоятельные правительства.

В этом аспекте подходы стран Запада, России и Китая несколько разнятся. Нередко считают, что у власти в той или иной стране стоит прокитайское, прозападное, пророссийское правительство или же власти страны придерживаются определенного вектора, на самом деле все относительно. В условиях, в которых находится наш регион, не может быть только прозападного, пророссийского или прокитайского правительства, все страны региона в той или иной мере пытаются найти баланс, используют, так называемую многовекторность, так как это единственная оптимальная и результативная практика отстаивания своих интересов. Например, так же как и в бизнесе сотрудничать только с одной компанией

означает в значительной степени зависеть от нее, а это большой риск, следовательно, необходимо диверсифицировать контакты. Отсюда и роль Запада, и интерес к нему элит стран центральноазиатского региона. Да, страны Запада довольно далеки от региона, но при этом являются важным партнером в инвестиционном, экономическом плане, так как это один из полюсов современного глобального мира.

Безусловно, существует конкуренция в ряде сфер между странами Запада, Россией и Китаем и это нормально. Допустим, Китай и Россия конкурируют в Центральной Азии, хотя являются членами ШОС и декларируют при встречах взаимопонимание по глобальным аспектам. Китай – крупнейший покупатель ресурсов стран Центральной Азии, более того он стал важнейшим, а для некоторых региональных стран и ключевым инвестором. Пекин в силу своего экономического потенциала способен это делать.

Европейский союз намерен диверсифицировать и защитить свои энергетические интересы, европейским странам необходимы разнообразные источники и разные каналы пути доставок энергоресурсов. Логично, что каждый игрок защищает, отстаивает свои стратегические интересы. Существуют правила игры и если действовать по этим правилам, то это принесет определенные дивиденды странам региона.

Что мы можем потерять от конкуренции? Если она превращается в противоборство, неконструктивную и несистемную борьбу, тогда это минус. Если сверхдержавы пытаются блокировать какие-то пути, создают какие-то зоны, «поляны влияния», то это негативно сказывается на странах Центральной Азии, так как интересы стран региона размываются и отодвигаются, а это, в свою очередь, существенно снижает характер политической субъектности региональных стран в международной политике. Противоборство не в интересах Центральной Азии, поэтому в этом аспекте тоже важна определенная координация усилий стран региона. Например, мы зависим друг от друга в транспортном,

энергетическом плане, естественно, мы могли бы эффективнее отстаивать свои интересы в отношениях, как с соседями, так и с дальними партнерами.

ИРР: Как обеспечить безопасность в центральноазиатском регионе?

Санат Кушкумбаев: Перечисленные выше проблемы уже довольно давно существуют в регионе. Страны Центральной Азии должны иметь тесную координацию, даже синхронизацию в некоторых аспектах: во внешней, оборонной политике, в политике безопасности. Это не новая проблема, не постановка нового вопроса, этот вопрос давно поднимался многими экспертами, политиками в регионе. Во многом отсутствие координации и сотрудничества является результатом того, что во главу угла ставятся искаженные представления о национальном суверенитете, независимости, все это превалирует над общерегиональными, двусторонними и многосторонними интересами. Элиты ряда стран до конца не осознают, как все взаимосвязано и, что сейчас необходимо тесно координировать свои усилия и действия с интересами соседей.

Страны центральноазиатского региона пока не выработали культуру политического компромисса. Важно согласовывать решения и подходы по границам, воде, дорогам, территориям, строительству гидросооружений, проблемам миграции, пограничному режиму, паспортному контролю, визовым вопросам и так далее. Кажется, что это решаемые проблемы, но их решение во многом упирается в то, что правительства зачастую не зависят от мнения общественности и становятся невосприимчивыми к подобного рода вопросам. Вновь мы возвращаемся к внутренним условиям и проблемам.

Я думаю, что правящие элиты смогли бы осознать надобность в разрешении межстрановых противоречий в условиях чрезвычайной

ситуации, когда угроза нависла над всеми и необходимо принимать меры. Вероятно, в условиях такого стрессового состояния элиты будут готовы к сотрудничеству.

Общей угрозой может быть какая-то чрезвычайная ситуация, стихийные бедствия или угроза со стороны внерегионального источника. Подобное событие произошло в 1996 году, когда в Афганистане к власти пришли талибы и все страны Центральной Азии, представители России собрались и начали обсуждать вопросы обеспечения безопасности. Но я не думаю, что сейчас следует ожидать возникновения какой-то внешней, крупной угрозы, которая заставит страны региона объединиться. Существует масса внутренних проблем и необходимо принимать меры, которые бы снизили напряженность как в отношениях между странами, так и во внутренней политике.

Пока у элит стран региона нет понимания того, что необходимо сотрудничать постоянно, а не ситуативно. На данный момент все сфокусировались на субрегиональных, пограничных проблемах, или же отстаивают, как я уже отмечал, искаженные представления о независимости и суверенитете страны. Например, декларируемый приоритет двусторонних связей не может автоматически гарантировать большую независимость. В зависимость можно попасть как в двустороннем, так и в многостороннем формате, но в обоих форматах можно выработать довольно приемлемые, взаимовыгодные решения. Для этого нужна сильная политическая воля, но пока ее у правящих элит стран региона недостаточно. Основная рекомендация для текущей ситуации – это тесная координация усилий и учет взаимных интересов стран.

Анна

Капушенко

[Вернуться на главную](#) / [Версия для печати](#)